

СОЛОВЕЦКІЙ ЛАГЕРЬ

ПЕРВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

Въ половинѣ Іюня 1924 года, черезъ семь мѣсяцевъ пребыванія въ Кемскомъ пересыльномъ лагерѣ (на Поповомъ островѣ), наконецъ вызвали и группу духовенства для отправки въ Соловки.

Въ лѣтній, сѣверный день, красивый и легкой Соловецкій пароходъ, который прежде назывался “Михаилъ Архангелъ” и былъ управляемъ капитаномъ-монахомъ и матросами-монахами (теперь онъ носилъ имя какого то знатнаго чекиста — “Глѣбъ Бокій”), быстро несъ насъ по волнамъ Бѣлаго моря къ берегамъ Соловецкаго острова.

Плотно и на долго закрывалась за нами дверь къ материку, къ остальному міру. Сердце грустило, а умъ вперялся впередъ, въ будущее, желая его разгадать. Но и молодой бодрости въ душѣ было также много. Хотѣлось все видѣть, все испытать и все преодолѣть.

Путь въ шестьдесятъ верстъ совсѣмъ не великъ. Рассказывали жители Кемскаго поселка, что зимою, въ прежнее время, когда на Соловкахъ били въ колокола и особенно когда ударили въ “царя”, въ тысячу чудовый праздничный колоколь, въ поселкѣ былъ слышенъ его звукъ. Какъ это интересно! Монастырь на восемь мѣсяцевъ закрывался льдами отъ остального міра, но этимъ отдаленнымъ гуломъ, доходящимъ до материка, онъ давалъ о себѣ знать, говорилъ о своей особенной жизни, теплой, уютной и духовно счастливой и среди холода непроходимыхъ льдовъ и мрака зимнихъ, короткихъ дней. А теперь и лѣтній нашъ путь не несъ насъ къ уюту и радостямъ.

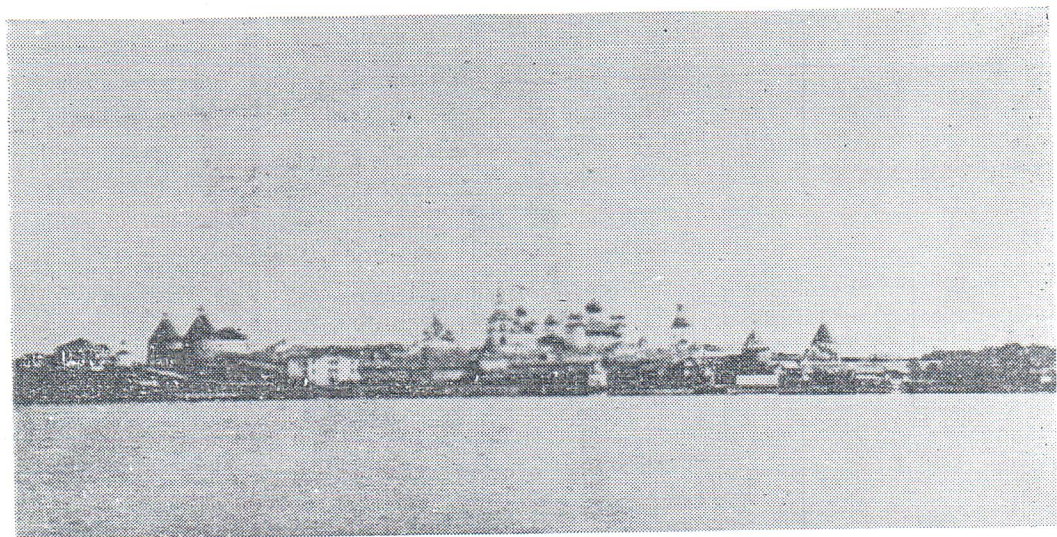
На палубѣ, переполненной заключенными, я смотрѣлъ въ сѣрыя волны, сѣрыя, какъ сегодняшнее небо, и невольно все время вспоминалъ тропарь святымъ Зоси-

мѣ и Савватію, основателямъ Соловецкаго монастыря: “Яко свѣтильницы явистеся всесвѣтліи, во отоцѣ окіана моря, преподобніи отцы Зосима и Савватіе: вы бо крестъ Христовъ на рамо взявше, усердно Тому послѣдовасте, и чистотою Богови приближившеся, отонудуже силами чудесъ обогатистеся. Тѣмъ и мы любезно притекаемъ къ ракамъ честныхъ мощей вашихъ и умильно глаголемъ: о преподобніи, молите Христа Бога, спаситися душамъ нашимъ”. Особенно мнѣ нравится это — “во отоцѣ”, или на островѣ “окіана моря”... Вотъ онъ окіанъ море! И я теперь любезно притекаю подъ покровъ этихъ святыхъ и буду у нихъ жить, какъ паломникъ... Я это благоговѣнно чувствую и уже доволенъ.

Вотъ вдали виденъ монастырь. Какъ изъ воды поднимаются бѣлые храмы. Древнее, славное, великое и таинственно влекло насъ къ себѣ и мы неизбежно, неотвратимо шли къ нему. Монастырь долженъ былъ отпраздновать пятьсотъ лѣтъ своего существованія. Какое значеніе имѣеть иногда мѣсто само по себѣ, уже не люди, а мѣсто, гдѣ прожили поколѣнія, памятникъ, пережившій людей и стоящій и сейчасъ предъ нашими глазами. Онъ хранитъ въ себѣ слѣды отжившей жизни. Созданія чловѣка прочнѣе, чѣмъ онъ самъ.

Святые, тихіе, кроткіе, смиренные служители Христовы Зосима, Савватій и Германъ, жившіе здѣсь въ началѣ 15-го столѣтія, а за ними еще многіе десятки святыхъ, о которыхъ рассказываетъ “Соловецкій Патерикъ”, — вотъ въ комъ оправдался монастырь и сдѣлался святымъ мѣстомъ. Святитель Филиппъ восемнадцать лѣтъ былъ здѣсь игуменомъ и отсюда былъ вызванъ въ Москву, на митрополию, Иоанномъ Грознымъ, чтобы потомъ за слово обличенія и неподкупной правды принять

ДЕНЬ РУССКАГО РЕБЕНКА

Соловецкій Монастырь съ моря.

смерть отъ руки своего прежняго почитателя. Патріархъ Никонъ здѣсь, въ Анзерскомъ скиту, пробылъ семь лѣтъ простымъ монахомъ. Въ числѣ умершихъ въ монастырѣ состоятъ знаменитый совѣтникъ Иоанна Грознаго сосланный имъ сюда священникъ Сильвестръ, великій дѣятель смутнаго времени келарь Троицко-Сергіевской лавры Авраамій Палицынъ, касимовскій царь Симеонъ Бекбулатовичъ, какой то Гетманъ украинскій, добровольно оставшійся здѣсь и послѣ получения свободы. Отдаленный суровый монастырь былъ тюрьмою для многихъ государственныхъ преступниковъ, а потомъ мѣстомъ ссылки для провинившагося духовенства, для сбившихся въ секту и ересь духовныхъ и недуховныхъ православныхъ людей. Наконецъ, это — старинная крѣпость, такъ оцѣненная съ 16-го столѣтія. Здѣсь стояло стрѣлцкое войско, отбивавшее частыя нападенія шведовъ и сами монахи были вооруженными воинами, имѣя во главѣ старшаго военачальника въ лицѣ игумена. Въ 17-мъ столѣтіи монахи семь лѣтъ геройски защищали свою обитель и отражали приступы правительственныхъ войскъ, не желая подчиниться церковной реформѣ

своего бывшаго монаха Патріарха Никона. Царь Петръ Великій дважды посѣщалъ монастырь и пожаловалъ ему двѣсти пудовъ пороху. Въ Крымскую кампанію англичане бомбардировали монастырь, но архимандритъ Александръ отказалъ сдать его и очень удачно отвѣчалъ огнемъ своихъ орудій. Тамъ въ монастырской ризницѣ хранились драгоцѣннѣйшіе дары монастырю російскихъ царей, сабля князя Пожарскаго и много, много чего интереснаго. Но кто теперь помнитъ и цѣнитъ это? кому это нужно? Все забыто и поругано. Здѣсь теперь огромный лагерь заключенныхъ, или “Соловецкія лагеря особаго назначенія”, сокращенно — “слон”, какъ пишется и говорится.

Шароходъ уже входитъ въ маленькую “Бухту Благополучія”, очень удобную, прикрытую отъ всѣхъ вѣтровъ. Передъ нею, черезъ дорогу, — монастырскія стѣны, съ бѣлыми, за ними, двухъэтажными корпусами и высоко возвышающимися соборами. Противъ бухты, — обычные въ монастыряхъ, главные или святые ворота. Налѣво, у самой пристани, — большое бѣлое зданіе, въ прошломъ — гостинница для паломниковъ, теперь — съ вѣвѣской:

ДЕНЬ РУССКАГО РЕБЕНКА

“Управление Слон”, или, иначе — мѣстное ГШУ.

На набережной — чекисты въ формѣ и много заключенныхъ, какъ будто болтающихся безъ всякаго дѣла. Пароходъ причалилъ. Я оказался первымъ у сходней. Ожидаемъ разрѣшенія на выгрузку. Наконецъ приказано сходить. Я вступаю на соловецкую землю первымъ и крещусь. Господи благослови! Неужели такъ надолго, на три года, или навсегда? выйду ли отсюда? увижу ли снова материкъ? Снова “конвертъ” (тюремное выраженіе), наглухо запечатанный. Вотъ первыя мысли, грустныя и тревожныя, лезущія мнѣ въ голову. Но я бодрюсь для себя самого.

И здѣсь снова конвой, и провожаетъ насъ съ вещами въ “кремль”, какъ принято здѣсь называть бывшій монастырь. Нѣсколько шаговъ, и мы равняемся съ этими стѣнами. Онѣ сразу поражаютъ насъ. Мимо нихъ я никогда и потомъ не проходилъ безъ удивленія. Какъ можно поднять такіе огромные камни, не въ одну сотню, а то и въ тысячу пудовъ, на такую высоту? Стѣны сложены изъ громадъ дикаго, не обработаннаго булыжника, или гранитныхъ, монолитныхъ глыбъ. Высота стѣны — пять-шесть сажени, ширина — три сажени наверху (въ основаніи много больше), гдѣ можетъ проѣхать повозка. Вся стѣна вокругъ монастыря имѣетъ видъ неправильнаго пятиугольника, длиною въ 510 сажень, въ нашу версту. Не даромъ въ концѣ 16-го столѣтія, надъ этой постройкой, монахи и монастырскіе крестьяне трудились двѣнадцать лѣтъ. Въ стѣнахъ, въ амбразурахъ которыхъ еще недавно кое гдѣ сохранялись старинныя пушки, есть восемь громадныхъ, грозныхъ башенъ и семь воротъ, изъ которыхъ открыты сейчасъ только одни. Мы къ нимъ идемъ, далеко обходя стѣну, съ глубокимъ рвомъ впереди. Это Никольскіе ворота. Они рядомъ съ угловой башней, сѣдые, нависшіе. Они принимаютъ насъ.

Часовой и чекисты провѣряютъ наши пропуска у конвоировъ.

Первые шаги внутри кремля даютъ сразу впечатлѣніе бывшаго недавно пожара. Навѣсы на крѣпостной стѣнѣ пали, обуглившіяся черныя бревна и доски торчатъ изъ всѣхъ каменныхъ строеній. Одна сторона корпусовъ цѣликомъ безъ крышъ. Груды такихъ бревенъ лежатъ въ разныхъ углахъ двухъ дворовъ монастыря, образованныхъ корпусами. Объ этомъ пожарѣ я слышалъ въ Кеми, откуда наблюдали его зарево за 60 верстъ. И здѣсь потомъ рассказывали, что загорѣлись корпуса сразу съ двухъ сторонъ, и когда вольнонаемные рабочіе-монахи бросились тушить огонь, то чекисты имъ не позволили. Говорили, что грабежи и присвоеніе монастырскаго имущества были такъ общеизвѣстны, что ожидалась ревизія высшихъ властей и, заметая слѣды преступленій, соловецкіе хозяева сожгли монастырь. Погибъ и музей. Правда, кое-что было раньше вывезено въ Архангельскъ. Теперь обгорѣвшіе остатки всякаго оружія — копья, стрѣлы, кольчуги, шлемы, мечи, пищали — были выброшены въ море. Дѣло это исполняли заключенные и одинъ изъ нихъ мнѣ объ этомъ рассказывалъ, да и я самъ какъ-то видѣлъ у одного берега въ водѣ гранаты, наконечники копій и т. п.

Проходя мимо одного собора, мы увидѣли разбитые колокола. Крыши соборовъ горѣли, но колокола сбросили для уничтоженія. Ихъ разбиваютъ на части и отсылаютъ на материкъ для удовлетворенія нужды въ мѣди. Въ Кеми мы ихъ уже видѣли. И сейчасъ “шпана” (уголовщики) съ большими молотами все еще возится около этихъ колоколовъ, бьетъ ихъ на куски и оглашаетъ кремль лязгомъ и грохотомъ.

Другое впечатлѣніе, очень яркое и ошеломившее насъ, это — обиліе бѣлыхъ, ручныхъ чаекъ, которыя наполняютъ весь дворъ, занимаютъ каждое свободное мѣ-

ДЕНЬ РУССКАГО РЕБЕНКА

стечко, имѣютъ прямо на землѣ гнѣзда, ходятъ между людьми и взлетаютъ на воздухъ, непрерывно издавая крики. Эти огромныя, особенныя чайки — чуть меньше гуся, но больше курицы, — подражаютъ крикамъ всѣхъ другихъ живыхъ существъ: собачій лай, мяуканіе кошки, воронье карканье, блеяніе овецъ и коровъ, стонъ больного, плачь ребенка, хохотъ, визгъ, все, все, что угодно, вы услышите отъ нихъ. И потомъ, уже послѣ долгой привычки къ нимъ, вы вдругъ услышите иногда такой оригинальный крикъ, котораго прежде никогда не слыхали, и встревожитесь, пока не догадаетесь, отъ кого онъ исходитъ. Впрочемъ, къ концу моего соловецкаго срока онѣ уже покинули дворъ, совсѣмъ напуганныя насельниками своихъ мѣстъ.

Наконецъ мы выстроились около Преображенскаго собора, такъ хорошо виднаго съ моря, оригинальнаго по своей формѣ (усѣченнаго конуса), стоящаго какъ скала, и такъ гармонирующаго съ этими стѣнами и окружающею природою. У самой стѣны собора чьи-то одинокіе каменные кресты, привлекающіе наше вниманіе. Одна могила — Авраамія Палицына, другая — украинскаго гетмана, — успѣваемъ мы узнать и невольно проникаемъ чувствомъ благоговѣнія къ этому историческому мѣсту.

Насъ теперь считаютъ, поименно провѣряютъ и распределяютъ по ротамъ. Это очень важно. Хорошо попасть къ своимъ, въ роту духовенства, каэровъ (контръ-революціонеровъ) и интеллигенціи вообще. Это шестая рота. Есть особая тринадцатая рота, полуголой и безшабашной “шпаны”-уголовщины, которую здѣсь называютъ “дикой дивизіей”. Она живетъ въ зданіи Успенскаго собора. Троицкій соборъ занятъ подъ складъ вещей. Преображенскій, слава Богу, закрытъ и пустуетъ. Въ немъ сохранился отъ пожара великолѣпный, старинный иконостасъ. Кто-то изъ Архангельска еще защищаетъ его отъ мѣстныхъ

произвола и невѣжества. Есть еще рота канцеляристовъ, обслуживающихъ учрежденія управленія. Вообще весь лагерь раздѣленъ на рабочія роты со своими ротными командирами и писарями. Роты достигали двухсотъ-трехсотъ человѣкъ. Кремлевскій районъ вмѣщалъ къ концу моего срока до 4-хъ тысячъ человѣкъ, а всѣ Соло-

Спaso-Вознесенскій Скитъ на Сѣкирной горѣ.

вецкіе лагеря уже имѣли 11-14 тысячъ заключенныхъ. Среди рабочихъ ротъ есть еще одиннадцатая, рота заключенныхъ, провинившихся чекистовъ, которые здѣсь несутъ внутреннюю охрану и различныя второстепенныя административныя должности, это классъ привилегированный.

Въ спискахъ, которые держали въ рукахъ чекисты, уже опредѣлено, въ какую роту кто попадаетъ. Къ нашей радости насъ отдѣляютъ въ шестую. Но всѣ наши ряды

ДЕНЬ РУССКАГО РЕБЕНКА

посѣщаетъ великое смущеніе. Инженера Каптанова вызываютъ въ одиннадцатую роту и онъ выходитъ изъ нашихъ рядовъ, заливаясь краской до шеи. У “черной биржи” (такъ называлась среди насъ группа арестованныхъ въ Москвѣ по этому одному дѣлу) вызвали туда-же того молодого, красиваго, рослаго еврея, который на нашихъ глазахъ въ Московской Таганской тюрьмѣ, рыдалъ, падая въ кровать, послѣ прощанія со своей женой. И тотъ же высокій его другъ, который его тогда утѣшалъ, теперь волновался, и направо и налѣво бросалъ фразу: “ради Бога, господа, не придавайте этому никакого значенія, человѣкъ ни въ чемъ не виноватъ, никого не предалъ, и со всякимъ можетъ случиться...” Вызывали еще кого то. Все это оказались секретные сотрудники ГПУ, “сексоты”, съ которыми мы совершили всю дорогу, прошли всѣ тюрьмы, жили вмѣстѣ нѣсколько мѣсяцевъ въ Кемскихъ баракахъ. Теперь они вдругъ попадаютъ въ роту чекистовъ, тайна разоблачается, и получается форменный скандалъ. ГПУ снимаетъ съ себя здѣсь всѣ покровы — вотъ истина, которая открылась нашимъ глазамъ и въ которой мы здѣсь убѣждались потомъ все больше. Мы очень смущены и со страхомъ стараемся теперь вспомнить свои разговоры съ этими людьми или около этихъ людей. Архіепископъ Иларіонъ наблюдаетъ эту картину съ самымъ искреннимъ весельемъ. Онъ никогда не стѣснялся въ выраженіи своихъ мнѣній и чувствъ, ничего не боясь, и сейчасъ до крайности былъ доволенъ происшедшей исторіей.

Размѣщаясь въ бывшихъ монашескихъ келліяхъ корпуса шестой роты, мы полны впечатлѣній дня.

Конечно, здѣсь жить удобно. Это не бараки. Это настоящія, хорошія, свѣтлыя, теплыя комнаты. Каждая комната-келлія была для одного монаха. А теперь насъ въ ней восемь, двѣнадцать и даже четырна-

дцать человѣкъ, смотря по ея величинѣ. Спать будемъ на “топчанахъ”, складныхъ деревянныхъ кроватяхъ для каждаго, такъ тѣсно поставленныхъ, что едва проберешься между ними къ двери.

Послѣ тюремъ и кемскихъ барачковъ это самое лучшее мѣсто, уютное, удобное и главное — исключительно со своими людьми. Можетъ быть, это самое величайшее благо. Самое худшее — переносить терроръ шпаны. И здѣсь мы отъ нея освобождаемся: принимаемъ только своихъ, это въ нашей власти даже, потому что и ротный командиръ изъ заключенныхъ — свой человѣкъ.

Еще пріятный сюрпризъ — наличіе въ Соловкахъ остатка старыхъ монаховъ, специалистовъ разныхъ хозяйственныхъ работъ. Они вольнонаемные рабочіе Гешеу, какъ мы уже сказали. Работою однихъ заключенныхъ трудно сколько-нибудь поддерживать соловецкое хозяйство въ прежнемъ порядкѣ. Ихъ оставлено не такъ много: изъ пятисотъ человѣкъ — семьдесятъ. Имъ разрѣшили имѣть одну церковь — Преп. Онуфрія, внѣ кремля, на кладбищѣ, — гдѣ освобожденный отъ работъ особый штатъ изъ нихъ совершаетъ ежедневную службу. По воскресеньямъ всѣ здѣсь въ сборѣ, а въ остальные дни — на работахъ: главные — на рыболовныхъ тоняхъ, на кожевенномъ заводѣ, на чугунно-литейномъ, на известковомъ, на верхи по постройкѣ лодокъ и баржъ, на лѣсопильномъ и кирпичномъ заводахъ, въ мастерскихъ плотницкихъ, столярныхъ, сапожныхъ, мѣдной и глиняной посуды, вездѣ монахи. Къ этому разнообразію прежнихъ монашескихъ рабочихъ учреждений, еще сохранившихся здѣсь, надо прибавить особенное. Есть монахъ, наблюдающій и регулирующий воду въ каналахъ, соединяющихъ соловецкія озера. Островъ Соловки, имѣющій до ста верстъ въ окружности и до четырнадцати въ самомъ широкомъ мѣстѣ, вмѣщаетъ до трехсотъ прѣсныхъ (и съ рыбой) озеръ,

ДЕНЬ РУССКАГО РЕБЕНКА

Соловецкіе Соборы.

изъ которыхъ до половины соединены между собой искусственными каналами. Большая часть этихъ каналовъ сдѣлана еще св. Филиппомъ, самымъ виднымъ хозяиномъ монастыря. Эти каналы соединены со Святымъ Озеромъ, находящимся у самаго кремля и могшимъ въ любое время, получая пополненія съ другихъ озеръ, наполнить водой сухой докъ и дать возможность пароходамъ и баржамъ монастыря для починки, а то просто на зимовку, стать прямо на берегъ. Эту интересную работу, совершаемую подъ руководствомъ монаховъ, мнѣ потомъ пришлось видѣть. Нужно кстати замѣтить, что главные чекисты лагеря были принуждены цѣнить работу и искусство монаховъ и выражать нерѣдко имъ свое удовольствіе. Такой трудъ, какъ ремонтъ мѣстными средствами старыхъ котловъ электрической станціи, имѣвшей здѣсь съ давнихъ поръ, привелъ въ изумле-

ніе инженеровъ. Монахамъ платили ничтожную сумму содержанія и они охотно оставались на своемъ старомъ и дорогомъ пелиницѣ и, созерцая картину его постепеннаго разрушенія и гибели, усердно и честно работали, какъ никто здѣсь, и до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, уже въ 1929 г. ихъ всѣхъ, по приказу изъ центра, не убрали отсюда. Какъ ихъ предшественники, они разбрелись по селамъ и деревнямъ, и живя въ мірской суетѣ и лишеныя храмовъ, искали примѣненія своихъ специальностей для добыванія куска хлѣба. Честь, слава и вѣчная память вамъ, добрые старцы, труженики и страдальцы Христовы, такъ много, кстати, облегчившіе намъ, заключеннымъ у васъ, наши узы!

Наша рабочая артель, артель Троицкаго, то есть, Архіепископа Иларіона была уже извѣстна по кемской работѣ соловенкой администраціи и была уже пред-

ДЕНЬ РУССКАГО РЕБЕНКА

назначена здѣсь на постройку желѣзной дороги. Поэтому, чуть-ли не послѣ первой утренней провѣрки мы получили нарядъ на эту работу и вышли изъ кремля.

Только первое время мы выходили подъ конвоемъ одного красноармейца съ винтовкой, а потомъ и это навсегда прекратилось. Намъ довѣряли совершенно, вручая листокъ съ нарядомъ и обозначеніемъ числа людей, идущихъ въ нашей группѣ на работу, нашему старшему, владыкѣ Иларіону. Мы на его отвѣтственности. Шпана всегда выходила съ конвоемъ. Немногіе группы настоящихъ рабочихъ изъ крестьянъ пользовались нашей привилегіей и уже канцеляристы и прочіе, идущіе на работу въ одиночку пользовались постоянными пропусками.

Въ лѣтнюю хорошую погоду выходъ изъ кремля доставлялъ намъ истинное утѣшеніе. Первые дни по пріѣздѣ въ Соловки, отъ бѣлыхъ ночей, не знающихъ совсѣмъ темноты, когда солнце здѣсь только чуть опускало свой край въ море и снова поднималось, и отъ непрестаннаго оглушительнаго крика чаекъ, мы вставали съ нашихъ постелей утомленными, не выспавшимися и выходили за кремль безъ чувства удовольствія. Но потомъ, привыкнувъ къ новой обстановкѣ, и только миновавъ Никольскія ворота съ ихъ чекистомъ, мы чувствовали себя просто какъ на свободѣ, забывая наши узы.

Направо отъ воротъ, только черезъ дорогу, гладь большого Святого озера. Прямо отъ воротъ улица съ домами направо и налево. Здѣсь всеразличныя мастерскія, особая рабочая рота помѣщенія и штабъ особаго соловецкаго полка нашей охраны. Далѣе лѣсъ вездѣ: и за Святымъ озеромъ, и за улицею рабочихъ домовъ, полеми позади нея. Тамъ черезъ лѣса идутъ дороги въ Савватіевскій и Филипповскій скиты, на рыболовныя тони, на Сѣкирную гору, на большую и малую Муксальму, на берегъ противъ Анзерскаго острова. Тамъ

вездѣ лагеря, вездѣ заключенные.

Наша работа по прокладкѣ желѣзнодорожной колеи начинается отъ пристани и идетъ въ глубь острова.

Такимъ образомъ мы въ началѣ работаемъ все больше около кремля. Желѣзнодорожный мастеръ у насъ и руководитель — почтенный старикъ Станиславъ Іосифовичъ, полякъ, желѣзнодорожникъ, попавшій сюда за участіе “въ контръ-революціонномъ заговорѣ”. Какіе-то “бѣлые офицеры” запросто развѣзжали по линиямъ желѣзныхъ дорогъ и организовывали среди рабочихъ и служащихъ возстаніе противъ совѣтской власти, назначая день и часъ его. Станиславу Іосифовичу предложилъ такой “офицеръ” активно участвовать, но онъ отказался. Когда же послѣдовали аресты около пятиста человекъ, то и мастеръ былъ обвиненъ, что не донесъ объ “офицерѣ” и вмѣстѣ съ другими получилъ пять лѣтъ Соловковъ. Около же половины всѣхъ арестованныхъ были разстрѣляны за намѣреніе активнаго участія въ возстаніи. Всѣ эти “бѣлые офицеры” запросто появлялись въ геpee, и мѣстное геpee не скрывало, что оно организовало это “возстаніе”. Провокація для совѣтской власти необходимый методъ борьбы съ контръ-революціей. Какимъ же способомъ обнаружить мысли и истинныя намѣренія людей и ихъ отношеніе къ совѣтской власти?

Подъ руководствомъ нашего мастера мы начали проводку колеи. Земляныя работы, насыпи, выемки, нивелировка мѣстности, наконецъ укладка шпаль и рельсъ, все это было нами пройдено теперь послѣдовательно и въ деталяхъ. Мастеръ выполнялъ прое́ктъ, а мы работали лопатами, топорами, кирками, молотами. Я очень специализировался на подрубкѣ шпаль для укладки на нихъ рельсовъ и уже хорошо работалъ такъ называемымъ французскимъ топоромъ. Я подрубалъ имъ до сотни шпаль въ день.

ДЕНЬ РУССКАГО РЕБЕНКА

Для моей неопытности это очень много. Темпы работ многих заключенных не быстрые и результаты работ мало продуктивные, но все же постепенно работа подвигалась и, когда на прокладку желѣзнодорожнаго пути стали выгонять сотни заключенныхъ, этотъ путь сталъ виденъ. Артель духовенства прибавлялась въ числѣ отъ новыхъ партій, прибывающихъ въ Соловки, и однажды на одинъ отводной путь или тупикъ у самаго кремля, сдѣланный руками исключительно духовенства, вышло на работу въ составѣ нашей группы однихъ архіереевъ пять человекъ. Мы этотъ путь назвали “архіерейскимъ тупикомъ”. Это названіе привилось и наши заключенные инженеры насъ увѣряли, что теперь онъ у нихъ обозначенъ на чертежахъ подъ этимъ именемъ. Не думаю только, что бы это названіе за нимъ долго сохранялось.

Однако, какъ бы мы ни старались облегчать себѣ трудъ, многими днями онъ былъ непосильнымъ. Земляныя работы, сами по себѣ, самыя тяжелыя, а когда даютъ на урокъ нѣсколькимъ человекамъ насыпать землей столько-то баластныхъ вагоновъ въ день, то наши силы изнурялись и къ вечеру мы были больны: всѣ члены нестерпимо зудѣли, жаръ утомленія охватывалъ все тѣло, которое не находило себѣ достаточнаго покоя и отдыха за короткую свѣтлую лѣтнюю ночь и на нашихъ твердыхъ, жесткихъ постеляхъ. Не успѣешь отдохнуть, а тамъ снова тяжелый и нестерпимо длинный рабочій день: двѣнадцать часовъ. Его выкраивали полностью, не считая часа на обѣдъ. Всѣ сигналы давалъ намъ гудокъ электрической станціи, который замѣнилъ звонъ историческаго колокола, висѣвшаго въ центрѣ кремля подъ навѣсомъ. Онъ былъ плѣненъ съ острова англичанами во время Крымской кампаніи и потомъ торжественно возвращенъ, о чемъ повѣствовало надпись у этого навѣса. Одно время въ него били нашъ подъемъ и начало и конецъ работъ.

Въ эти изнурительные дни, которые наступили вскорѣ по прибытіи нашемъ на островъ, мы почувствовали, какъ легко теперь пойти къ гибели, какъ идетъ уже къ ней здѣсь масса людей. Мы твердо вѣримъ, что наше положеніе улучшится, потому что скоро будемъ получать посылки и наладимъ наше питаніе. Получимъ деньги и будемъ покупать продукты въ лавкѣ Гепеу. Но что будетъ съ нищенствующей частью той-же заключенной интеллигенціи, а также прочимъ нашимъ населеніемъ и шпаной, которымъ не пошлютъ посылки и денегъ?

Одна изъ первыхъ и очевидныхъ новостей нашихъ здѣсь — сейчасъ, съ лѣта, копаютъ большія братскія могилы на кладбищѣ, гдѣ монашеская церковь св. Онуфрія. Грунтъ очень каменистый, тяжелый, и зимой съ нимъ не справиться. Умудренная опытомъ администрація заранѣе ихъ заготавливаетъ и закрываетъ ихъ досками. Зимой эти ямы постепенно наполняются трупами и весной зарываются. А мы теперь любопытствуемъ не безъ содраганія: кто-то сюда попадетъ? Потомъ, я зимой здѣсь видѣлъ, на утро послѣ разстрѣловъ, притоптанный снѣгъ и кровь. Доски скрывали убитыхъ.

Пища здѣсь такая же, какъ и въ Кемскомъ лагерѣ. Неоднократно, хотя и рѣдко видѣли, какъ въ “каптеркѣ”, въ лагерномъ складѣ продуктовъ, выдаваемыхъ отсюда на общую кухню заключеннымъ, появлялись туши мяса, главнымъ образомъ, конины и свѣжая рыба, но въ супѣ, который потомъ выдавался съ кухни, все это оказывалось совершенно неосязаемымъ и невидимымъ. Куда все это исчезаетъ? Слишкомъ мало выдается и шпана, которая систематически завѣдуетъ каптеркой, беспощадно воруетъ и разбазариваетъ цѣннѣйшіе продукты среди своихъ, особенно среди своихъ дамъ изъ женскаго корпуса, бывшей такъ называемой петроградской гостинницы, стоящей у той же бухты. За

ДЕНЬ РУССКАГО РЕБЕНКА

лѣто разстрѣливаютъ уже вторую партію каптерщиковъ, пойманныхъ въ этихъ преступленіяхъ, но туда охотно идетъ новая партія шпаны. Ставили на это мѣсто и чекистовъ и они также воруютъ. И ихъ разстрѣливаютъ. Нѣтъ никакого спасенія отъ воровства въ этомъ мѣстѣ. Никакіе разстрѣлы не останавливаютъ преступленій.

А разстрѣловъ здѣсь много. О нихъ мы узнаемъ раньше оффиціального сообщенія въ приказахъ по лагерю, читаемыхъ намъ на утреннихъ повѣркахъ. Мы ждемъ всегда почту съ материка съ письмами и посылками, которую привозитъ всегда крѣпикій пароходикъ “Нева”. Ходитъ онъ къ Кемскому Попову острову довольно часто, но въ двѣ недѣли разъ онъ привозитъ крупную почту. Съ нею мы и ожидаемъ постановленій московскаго Гепеу о разстрѣлахъ. Утромъ или въ полдень приходитъ пароходъ, а уже черезъ полчаса съ быстрой молніи разносится по лагерю вѣсть, кому пришли смертные приговоры. Смертники уже арестованы и посажены въ карцеры, ожидая казни въ наступающую ночь. Погибаетъ не только шпана. Неудачные

побѣги, новыя данныя слѣдствія надъ кѣмъ либо, наконецъ, просто опасное социальное происхожденіе кого то, ранѣе неуничтоженнаго, — все это причины мѣстныхъ разстрѣловъ.

И это была лучшая пора заключенія. Это были цвѣтики, ягоды были впереди. Мы отсидѣли свои сроки полностью. Архіепископъ Иларіонъ вмѣсто трехъ лѣтъ пробылъ въ Соловкахъ шесть лѣтъ и умеръ въ Петроградской тюрьмѣ на пути въ ссылку. Я получилъ “довѣсокъ” (тюремное выраженіе) — три года ссылки въ Зырянскій край и его также оканчивалъ въ 1929 г. И наганунѣ “освобожденія”, и въ полной увѣренности въ новомъ арестѣ и въ продолженіи новыхъ мытарствъ по тюрьмамъ и лагерямъ рискнулъ жизнью и съ крайняго сѣвера, черезъ всю Россію, бѣжалъ на югъ, и въ мартѣ 1930 г. перешелъ русско-персидскую границу. Что видѣно, что пережито, сколько опасныхъ приключеній испытано... и вотъ живъ и “пою Богу моему дондеже есмь”...

Мнѣ снилось сѣверное море,
Лѣсовъ пустынные края. —
Мнѣ снилась даль, мнѣ снилась сказка —
Мнѣ снилась молодость моя...

И. Бунинъ.